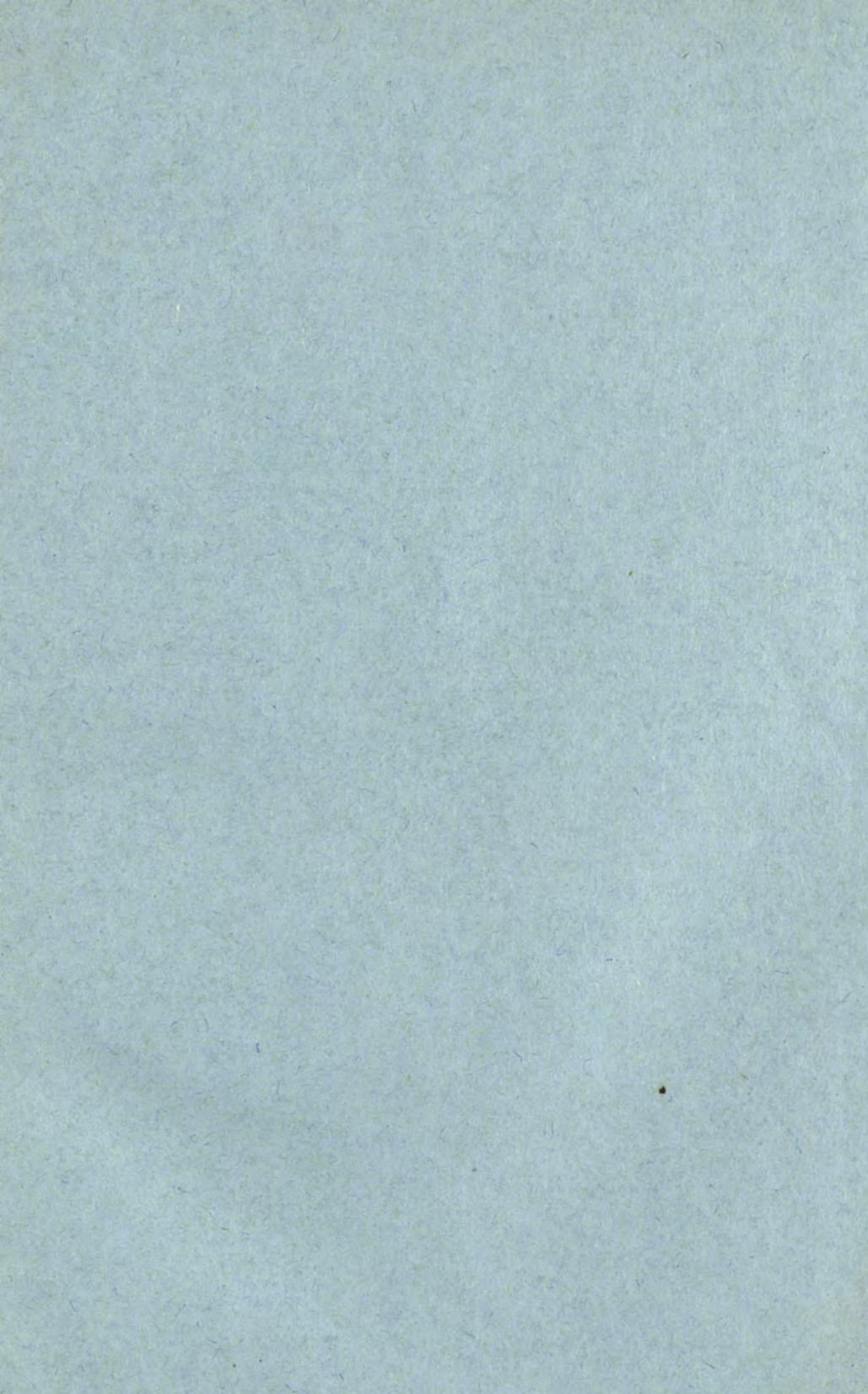

K₉

$\frac{35}{225}$

XVI

Кл ³⁵
225

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. ПУШКИНА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

XVI.

АЛЕКСѢЙ АНТИПОВИЧЪ ПОТЪХИНЪ

(къ 50 лѣтню литературной дѣятельности).

Д. П. Шестакова.

1902.

К а з а н ь.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1 9 0 2.

Кл $\frac{35}{225}$

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. ПУШКИНА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

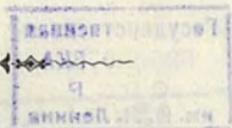
XVI.

АЛЕКСѢЙ АНТИПОВИЧЪ ПОТЪХИНЪ

(КЪ 50 ЛѢТИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ).

Д. П. Шестакова.

1902.

К а з а н ь.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1 9 0 2.

Печатано по опредѣленію Совета Общества любителей русской сло-
весности въ память А. С. Пушкина при Императорскомъ Казанскомъ
Университетѣ. 20 марта 1902 г.

Предсѣдатель А. Архангельскій.

Д. П. Шестаковъ.

10115-63

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

(Къ 50-лѣтію литературной дѣятельности).

I.

Изъ литературныхъ праздниковъ минувшаго года самое видное мѣсто принадлежитъ 50-лѣтнему юбилею литературной дѣятельности Алексѣя Антиповича Потѣхина, исполнившемуся въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ. Исслѣдователь и бытописатель русской народной жизни, беллетристъ и драматургъ, почетный академикъ академіи наукъ по отдѣленію изящной словесности, учрежденному въ память Пушкина, не долженъ быть забытъ въ нашемъ обществѣ, освященномъ именемъ великаго поэта.

Особенности біографіи А. А. Потѣхина обратили его съ дѣтства къ наблюденіямъ надъ родной природой и тѣми классами русскаго народа, которые къ природѣ остаются особенно близкими. Уроженецъ Кинешмы, уѣзднаго города Костромской губерніи, Потѣхинъ въ первые же годы литературной дѣятельности даетъ намъ живой очеркъ роднаго города (*Уѣздный городокъ Кинешма*, 1852 г.). Это городокъ небольшой, въ то время всего „въ три съ половиной тысячи душъ мужескаго пола“ и „протяженіемъ, между двумя самыми отдаленными точками его, не болѣе версты... Но въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ есть такія точки, съ которыхъ вамъ представляются восхитительныя зрѣлища, которыя не часто создаетъ природа Великороссіи... Городокъ разбросанъ такъ живописно, такъ небрежно, кругомъ въ зелени. Въ окрестностяхъ попадаются уголки, которые кажутся вамъ миниатюрнымъ отрывкомъ изъ видовъ Швейцаріи“.

Главную красоту и живописность Кинешмѣ придаетъ Волга. Уже въ молодыхъ произведеніяхъ Потѣхина попадаетъ нѣсколько почти классической законченности картинъ волжской природы. Въ очеркѣ Потѣхина *Путь по Волгѣ въ 1851 году* мы читаемъ, напримѣръ: „Ночь на Волгѣ среди глубокаго сна природы и людей доставитъ вамъ новыя наслажденія, познакомитъ съ новыми живыми впечатлѣніями. Лодка, никѣмъ не управляемая, почти не плыветъ, а только качается на волнахъ. Полный мѣсяцъ отражается въ водѣ серебряною полосою. Мрачными, громадными привидѣніями кажутся вамъ высокія деревья, темною бездною—охваченный ночью берегъ и неосвѣщенная часть рѣки *). Но вотъ гдѣ-то вдали свѣтитъ искра огня, среди глубокаго кругомъ мрака—это пробивается свѣтъ лучины сквозь маленькое и тусклое окно избы; вонъ тамъ поднимается бѣлая церковь и колокольня, полуосвѣщенная мѣсяцемъ. Глубокая тишина вокругъ васъ: все спитъ и безмолвствуетъ. Однако и въ этомъ безмолвіи есть какой то неясный шумъ, какъ будто природа ведетъ тайную бесѣду или грезитъ среди глубокаго сна“.

Не одни впечатлѣнія своей красоты, свѣжести и простора давала великая русская рѣка чуткому наблюдателю. Въ то время по Волгѣ плавали не только „подъ звукъ плещущихъ волнъ“, но и „подъ звукъ бурлацкихъ пѣсень“. Уже выступалъ тогда на свою трудовую арену „геній Волги, пароходъ“, по тогдашнему выраженію Потѣхина, „будущая сила и могущество нашей огромной рѣки“; уже и тогда „плата бурлакамъ значительно уменьшилась вслѣдствіе введенія пароходовъ“. Но бурлаки были еще здѣсь, на своей родной рѣкѣ, со своимъ тяжелымъ, мучительнымъ трудомъ, со своей мѣрной, заунывной пѣсней.

„На Волгѣ, пишетъ Потѣхинъ въ 1851 году, русская пѣсня принимаетъ особенный характеръ: она большею частію

*) Замѣтно сильное вліяніе Гоголя.

здѣсь заунывна, монотонна, напѣвъ ея всегда почти подлаженъ подь мѣрный шагъ бурлака, идущаго бичевой, или подь столько же мѣрный ударъ весель о поверхность воды. И этотъ напѣвъ такъ всегда вѣренъ и согласенъ, что бурлаки опредѣляютъ пройденное ими пространство числомъ пропѣтыхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя пѣсни такъ и дышуть жизнію, такъ и кажется, что онѣ не выдуманы, не сочинены, а сложились сами собою безъ приготовленія, во время самаго пѣнія; вотъ хоть бы простая пѣсенка, въ которой какъ будто отражается сожалѣніе бурлака о покинутомъ имъ семействѣ, о разрозненной жизни, которую онъ ведетъ съ нимъ, и желаніе прекратить наконецъ это состояніе и зажить снова своимъ домкомъ“.

Въ приведенныхъ словахъ начинавшаго тогда писателя опредѣленно сказывался взглядъ Потѣхина на волжское бурлачество, какъ на насильственное распаденіе крѣпкой крестьянской семьи. Привѣтствуя скорое уничтоженіе бурлачества, молодой писатель такъ высказывалъ свою душевную мысль: „Въ нашемъ благословенномъ отечествѣ каждый крестьянинъ всегда найдетъ мѣсто приложенія своего труда, не оставляя своихъ полей, не покидая семьи“.

Въ этихъ раннихъ наблюденіяхъ крестьянской жизни А. А. Потѣхину выяснялись такія параллели: „Видали-ли вы вблизи крестьянскую избу небогатой приволжской деревни костромской губерніи? Вглядитесь въ нее. Не хитра и не богата ея наружность: сложенная изъ толстыхъ бревенъ, покрытая соломой, иногда съ черною печью, она только тремя маленькими окошечками, въ которыя съ трудомъ пролѣзеть курица, смотреть на міръ Божій. Съ одной стороны, обыкновенно лѣвой, примыкаетъ къ ней крытый соломой дворъ, съ другой незатѣйливое, почти совсѣмъ открытое крылечко, которое зимою заносится снѣгомъ. Но не думайте, чтобы за этими стѣнами скрывалась совершенная нищета, напротивъ: большею частію вы встрѣтите тамъ мирное довольство и спокойную жизнь. Причина вся тутъ въ томъ, что нашъ кре-

стьянинъ не любить выходить изъ быта, въ которомъ жилъ его отецъ и дѣдъ, и часто въ подобной избушкѣ живетъ мужичекъ, у котораго по Волгѣ ходитъ одна или двѣ расшивы“.

Въ черной костромской избѣ „нѣтъ ничего похожаго на тѣ хорошенькіе, почти городскіе и часто каменные дома, которые вы видѣли, проѣзжая по Волгѣ, въ нѣкоторыхъ богатыхъ селахъ, хоть бы, на примѣръ, въ Овсяникахъ, ярославской губерніи: тамъ вы найдете нѣсколько чистыхъ, обитыхъ обоями комнатъ, съ окнами довольно большого размѣра и съ модными во всю раму стеклами; тамъ вамъ подадутъ чистый большой самоваръ и сносный для села чайный приборъ, тамъ, пожалуй, сдѣлаютъ вамъ нѣсколько блюдъ, конечно не очень гастрономическихъ, но за то тамъ вы должны будете за все это заплатить въ три-дорога и, можетъ быть, встрѣтить неучтивость, а здѣсь васъ накормятъ и напоятъ всѣмъ, что есть, что Богъ послалъ, приласкаютъ, приголубятъ, какъ умѣютъ, и можетъ быть, даже обидятся, если вы станете платить. Что же лучше?... Всякому свое“!...

Позднѣе, въ 1861 году, А. А. Потѣхинъ пишетъ съ Ветлуги: „мы вошли въ просторную, но грязную избу, гдѣ раздавались веселыя пѣсни. Дѣвки сидѣли за пряжей, весело и бойко привѣтствовали насъ и, разсмотря, что посѣтители были господа, или по крайней мѣрѣ купцы, выразили очевидное удовольствіе и нисколько не стѣснялись нашимъ присутствіемъ. Видно было, что приемы подобныхъ посѣтителей для нихъ не новость и не рѣдкость. Дѣвки бойко и смѣло заговаривали съ нами, предлагали спѣть для насъ пѣсенку, а если эта пѣсня соединялась съ игрою, то звали и насъ принять въ ней участіе, безъ зазрѣнія совѣсти припрашивали орѣшковъ, пряничковъ, денежекъ, и даже водки, которую пили очень исправно. Если стыдливость и скромность есть украшеніе женщины, то это украшеніе здѣсь, какъ видно, давно уже утрачено; напротивъ, поведеніе нѣкоторыхъ дѣвокъ отличалось даже наглостью. Многія изъ нихъ по секрету просили у

насъ денегъ и, когда получали, умоляли не сказывать прочимъ, увѣряя, что, если узнають прочія о полученномъ ими подаркѣ, то отнять у нихъ. Все это какъ-то напоминало отчасти цыганскій таборъ. Я не могу не только поэтизировать, но даже сколько-нибудь оправдывать или назвать инымъ именемъ это неприличное, наглое веселье, это постыдное, хотя бы и простодушное отсутствіе стыдливости и естественнаго, прирожденнаго приличія, но въ то же время совершенно убѣжденъ, что распущенность нравовъ здѣсь есть явленіе наносное, результатъ ложной цивилизаціи, проникающей въ край путемъ торговли“.

Потѣхину съ самаго начала дорогъ, напротивъ, каждый исконный народный обычай, нерушимо сохраненный отъ старины. Во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ онъ имѣлъ случай еще расширить наблюденіе народной жизни, благодаря участію въ экспедиціи, снаряженной въ цѣляхъ этнографическаго изученія разныхъ мѣстностей Россіи. Въ статьѣ *Ловъ красной рыбы въ саратовской губерніи* (1857 г.) онъ отмѣчаетъ поэтическій, старинный обычай „ловецкаго гулянья“ въ Троицынъ день. Сочувственно описавъ обычай, онъ къ этому прибавляетъ: „къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ этотъ ловецкій праздникъ теряетъ свой старинный характеръ, и въ иныхъ мѣстахъ рыбаки помнятъ только то, что въ Троицынъ день онъ долженъ погулять, т. е. напиться до-пьяна“.

Въ статьѣ *Рыба Керженецъ* (1857 г.) А. А. Потѣхинъ рассказываетъ: „Здѣсь только, въ семеновскомъ уѣздѣ, узналъ я объ этомъ особенномъ, трогательномъ обычаѣ русскаго человѣка и не умѣю сказать: есть ли онъ гдѣ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, въ чемъ конечно нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что этотъ обычай великой древности. Тамъ, гдѣ пересѣкаются двѣ дороги, на каждомъ перекресткѣ русскій человѣкъ привыкъ налагать на себя крестное знаменіе, и нерѣдко на перекресткахъ большихъ дорогъ вы видите часовенки или просто деревянные кресты, какъ напо-

миновеніе этого святаго христіанскаго и стариннаго русскаго обычая“.

Этнографъ, съ такою любовью останавливающійся надъ сохранившимися слѣдами стараго народнаго обычая, скорѣе всякаго другого пойметъ и особую красоту и значительность въ вещественныхъ памятникахъ родной старины. Онъ всегда немножко археологъ, не въ томъ смыслѣ археологъ, что все на его взглядъ свѣтло и чисто въ далекой нашей старинѣ, а въ томъ смыслѣ, что сумѣетъ онъ почувствовать въ каждомъ памятникѣ старины ту жизнь, которая въ старину его одухотворяла.

„Когда то давно, вспоминаетъ А. А. Потѣхинъ, во времена моего дѣтства, я имѣлъ случай быть въ скромномъ дворцѣ, или лучше сказать, келіи Михаила Ѳеодоровича и до сихъ поръ не могу забыть того глубокаго впечатлѣнія, которое произвелъ онъ на меня. Съ особеннымъ участіемъ обѣгалъ я эти маленькія, уютныя комнатки съ изразцовыми изукрашенными печами, останавливался и внимательно разсматривалъ старинныя, весьма не пышныя, съ высокою спинею кресла, стоявшія въ одной изъ комнатъ дворца, и воображеніе мое, тогда еще такъ пылкое, рисовало мнѣ величавый образъ царственнаго юноши, голосомъ всей Россіи призываемаго на царство, и любящее лицо матери, уступающей сына пользѣ отечества“.

И родной городокъ нашего писателя не чуждъ былъ такихъ историческихъ воспоминаній. А. А. Потѣхинъ рассказываетъ, что на площади города Кинешмы сохранилась часовня, воздвигнутая надъ прахомъ горожанъ, „избиенныхъ“ во время разоренья города въ 1609 году паномъ Лисовскимъ. „Часовня, поставленная надъ тѣлами убитыхъ, добавляетъ Потѣхинъ, составляетъ для жителей мѣсто особеннаго благоговѣнія. Ни одинъ изъ нихъ, отправляясь въ путь или возвращаясь изъ него, не проѣзжаетъ мимо часовни, чтобы не зайти въ нее и не прочитать свою молитву, просьбы или благодарности предъ древнимъ массивнымъ распятіемъ“.

Наконецъ, и для заключеній о современной жизни и народныхъ типахъ и самъ городъ Кинешма, и его окрестности предоставляли молодому наблюдателю большой просторъ и великое разнообразіе.

„Здѣсь есть гостинница, рассказываетъ, напримѣръ, о Кинешмѣ ея знаменитый уроженецъ, гостинница съ вывѣской, на которой написано: вновь открытая гостинница, хотя открыта она безъ малаго пятнадцать лѣтъ назадъ. Главные посѣтители этого трактира: какой-нибудь закутившійся господинъ, вѣчно пьяный мастеровой, охотникъ позабавиться чайкомъ лавочникъ, получившій на чай, и любитель хорошей компаніи ямщикъ“.

Что это, какъ не матеріаль для будущихъ художественныхъ изображеній? Въ частности, „любителя хорошей компаніи ямщика“ мы въ самомъ дѣлѣ встрѣтимъ потомъ, въ художественной переработкѣ, въ одной изъ народныхъ драмъ Потѣхина.

Особенно оживлялась жизнь третьестепеннаго, захолустаннаго городка съ наступленіемъ ярмарки. „Тогда, рассказываетъ А. А. Потѣхинъ, „въ городъ съѣзжается большая часть помѣщиковъ; иные изъ нихъ оставляютъ свои усадьбы на все время ярмарки и поселяются въ городѣ. Тогда-то въ одной цѣлой и оживленной картинѣ вы можете подмѣтить особенности помѣщичьей жизни, изучить ее въ оригинальности языка, наружности, экипажей и костюмовъ“.

Къ ярмаркѣ подъѣзжали и окрестные крестьяне. „Весело, беззаботно гуляетъ русскій мужичокъ, пишетъ А. А. Потѣхинъ объ этихъ гостяхъ Кинешемской ярмарки, любитъ онъ веселую пировню подъ открытымъ небомъ, любитъ шумную рѣчь, полюбовную въ самой ссорѣ. Всю суму свою вытрясетъ онъ на гуляньѣ, ничего не оставитъ за душою, да вѣдь за то и на душѣ-то у него нѣтъ ни одной задней мысли: все открыто и чисто“.

Если въ Кинешемской ярмаркѣ открывалась нашему наблюдателю веселая, разгульная сторона русскаго народнаго

типа, то позднѣе, въ саратовскомъ путешествіи А. А. Потѣхинъ могъ познакомиться съ серьезными и высокими проявленіями того же типа. Въ Царицынѣ встрѣтилъ онъ старика-ловца, человѣка лѣтъ шестидесяти, спасаго во время страшной волжской бури восьмерыхъ утопавшихъ. И рядомъ съ этимъ героемъ изъ народа какъ ничтожны и мелки кажутся нѣкоторые изъ спасенныхъ, на примѣръ вотъ эти. „Вотъ пристали мы къ берегу, рассказывалъ старикъ, привелъ я ихъ въ шалашикъ свой, развелъ имъ теплинку. Такъ тутъ двое не то, чтобы отогрѣваться, а перво вытащили деньги, да принялись сушить, по всему шалашу разложили мокрыя бумажки. Таково денегъ много, таково много, что я и не видывалъ“.

Хороша и фраза, съ которою одинъ изъ спасенныхъ протянулъ спасителю одну десятирублевую изъ всего этого „таково много“ денегъ: „Возьми, старикъ: это я тебѣ отъ своей доброй души жертвую“.

Невольно припоминается упомянутое раньше замѣчаніе нашего писателя объ искаженіи русскаго народнаго типа подъ вліяніемъ ложной цивилизаціи, проникающей въ народъ путемъ торговли.

Характерные образчики и русскаго всенароднаго „авось“ доводилось своими глазами видѣть А. А. Потѣхину во время своихъ странствованій.

На Керженцѣ нашъ писатель отправился съ ямщикомъ вдвоемъ изъ деревни на рубку лѣса.

„Сначала дорога шла полемъ, гдѣ ямщикъ искалъ все поворота направо въ лѣсъ (какъ ему было сказано въ деревнѣ), потомъ дѣйствительно поворотилъ направо; но, проѣхавши версты двѣ лѣсомъ, объявилъ, что врядъ-ли туда ѣдемъ, и всетаки ѣхалъ впередъ, не останавливаясь.“

— Такъ зачѣмъ же ты ѣдешь, коли не туда? лучше воротиться назадъ, да взять проводника.

— Да вишь ты, тутъ была сосна на самомъ поворотѣ, такая еще развѣсистая; я все и смотрѣлъ ее, да нѣтъ сосны-

то, видно срубили что-ли... А я все ее-то и смотрѣлъ и вижу, что не тутъ ѣдемъ.

— Ну, такъ нечего и ѣхать: ворочайся назадъ въ деревню. Ямщикъ неохотно повиновался и, пока мы ѣхали до деревни, все осматривался кругомъ и искалъ пропавшей сосны“.

Это то-же характерно—отличающее русскій народный типъ „авось“, которое на Волгѣ заставляетъ ловцовъ пускаться смѣло вдаль подъ дурно-засмоленной крышей лодки и, когда она дастъ себя знать при первомъ дождѣ, пытаться остановить ливень—кто чашкой, кто ложкой, кто стаканомъ, а кто такъ и узкогорлой бутылкой (*Путь по Волгѣ въ 1851 г.*). То же „авось“, которое сказывается здоровымъ толчкомъ двухъ суденъ, пущенныхъ по рѣкѣ въ темную ночь „въ никѣмъ не управляемомъ движеніи“. То же „авось“, во имя котораго мужикъ послѣ ярмарки „заломить свою шапку, бросится въ телѣгу, запоетъ пѣсню, потомъ всхрипнетъ, а лошадка ужъ знаетъ свое дѣло и привезетъ хозяина прямо къ его дому“. То же, наконецъ, „авось“, которое неизмѣнно направляетъ всю жизнь такихъ, напримѣръ, талантливыхъ, но неустановившихся русскихъ людей.

„Этотъ человѣкъ, рассказываетъ Потѣхинъ объ одномъ старовѣрѣ, былъ въ молодости такимъ искуснымъ борцомъ, что однажды поборолъ одного за другимъ 117 человѣкъ бурлаковъ, чему, разумѣется, приводилъ свидѣтелей; въ возмужаломъ возрастѣ онъ умѣлъ истратить 200 тысячъ руб. асс.— все свое достояніе, на отыскиваніе золотой руды, которой, разумѣется, не нашель; имѣлъ какой-то заводъ, который сторѣлъ; въ настоящее время онъ бодрый, крѣпкій, коренастый старикъ, промышляющій печеньемъ бѣлыхъ хлѣбовъ и бубликовъ“.

Въ числѣ подобныхъ поклонниковъ популярнаго нашего національнаго принципа: „авось да небось“ встрѣчались Потѣхину люди съ самыми серьезными дарованіями.

„Я зналъ, рассказываетъ онъ, въ селѣ Золотомъ, Саратовской губерніи, одного крестьянина, который придумалъ какое-то немаловажное упрощеніе въ механизмѣ пароходовъ; и на что же онъ употребилъ результатъ своей мозговой работы? Онъ сдѣлалъ своими руками маленькій, аршинный пароходъ, на который пошли въ дѣло и труба изъ самовара, и мѣдный кранъ отъ него,—сдѣлалъ—и пускаетъ этотъ пароходъ по праздникамъ на Волгу для потѣхи ребятишекъ и взрослыхъ, которые смотрятъ, удивляются, смѣются и говорятъ: „Вотъ выдумалъ! Пришло же въ голову! нечего тебѣ дѣлать то“!

Въ такихъ людяхъ можно видѣть очень распространенный и сложный русскій народный типъ: серьезныя возможности и комично—малыя проявленія, большое самородное дарованіе и размѣнь его по пустякамъ.

Я нарочно остановился съ нѣкоторою подробностью на всѣхъ этихъ еще не художественныхъ, а только этнографическихъ наблюденіяхъ А. А. Потѣхина. Ничто такъ прочно и крѣпко не засѣдаетъ въ человѣкѣ, какъ такія первоначальныя, молодыя впечатлѣнія. Они постепенно и незамѣтно образуютъ то внутреннее содержаніе нравственной личности человѣка, которое потомъ уже неискоренимо никакими обстоятельствами и случайностями жизни. И уже по приведеннымъ даннымъ можно предугадать, къ какимъ явленіямъ жизни обратился съ особеннымъ вниманіемъ нашъ писатель, когда созрѣвшій талантъ подсказалъ ему, что его время пришло, что пора не только наблюдать, но и объединять отдѣльные наблюденія въ цѣльныя картины, не только понимать самому, но и разъяснять другимъ художественными образами явленія текущей дѣйствительности.

II.

Общественное значеніе писателя опредѣляется тѣмъ временемъ, когда онъ живетъ и дѣйствуетъ, тѣми главными на-

правленіями, по которымъ устремляется современная общественная жизнь, той степенью вниманія къ событіямъ и пониманія ихъ, какую онъ проявляетъ въ своихъ произведеніяхъ.

Литературная дѣятельность Алексѣя Антиповича Потѣхина начиналась и развивалась въ теченіе нѣсколькихъ очень крупныхъ эпохъ русской общественной жизни. Писатель былъ очевидцемъ русской деревни до освобожденія и послѣ освобожденія крестьянъ. Писатель былъ очевидцемъ русской общественной жизни до Крыма и послѣ Крыма, до начала всестороннихъ реформъ нашей общественности и по совершеніи этихъ реформъ. Крупныя темы, подсказываемыя самою жизнью, намѣчались сами собою.

Крѣпостное крестьянство представлено А. А. Потѣхинымъ въ нѣсколькихъ произведеніяхъ въ самомъ трагическомъ и рѣшительномъ для тогдашняго крестьянина моментѣ,—во время рекрутскаго набора. „Самъ ты вѣдаешь, самъ крестьянинъ, говоритъ въ романѣ „Бѣдные дворяне“ барская вольноотпущенная мужику: сегодня ты торговлей занялся, а завтра тебя на барщину, либо лобъ забрили; а въ рекруты не хочешь,—такъ поди къ начальству откупись, либо наймиста купи за себя, а тутъ тебѣ и разоренье“.

Еще зажиточнымъ мужикамъ это сходило съ рукъ легко. Въ рассказѣ Потѣхина *Два охотника* (1864 г.) воспроизведена такая сцена между зажиточнымъ мужикомъ и его господиномъ:

„Ну, что, Порфиръ, вѣдь по всему слѣдуетъ твоего отдавать?“

— Помилосердуйте, батюшка, я ли вамъ не слуга, живу своимъ домомъ справно, художествъ, али чего прочаго за моими ребятами нѣтъ, недоимка за мной отродясь не стояла, и вашей милости, и дѣткамъ вашимъ, и внукамъ, и правнукамъ слуги вѣчные...

— Такъ то такъ: я тебя люблю, и мнѣ трогать твою семью жалко: люди вы хорошіе, богобоязненные, господамъ

своимъ слуги покорные“. Финаль этой трогательной въ своемъ родѣ сцены предвидѣть нетрудно. Такія сцены всегда оканчивались между добрымъ господиномъ и усерднымъ слугой продолжительнымъ болѣе или менѣе торгомъ:

„Чѣмъ же ты мнѣ послужишь? Вѣдь, какъ никакъ, а все мужикъ то у меня уйдетъ изъ—за твоего сына; все я долженъ потерять изъ-за тебя или оброчника, или барщинника...

— Да что, благодѣтель, отецъ родной, время нынче тяжелое, самъ изволишь вѣдать: возьми сто рубликовъ: послѣдніе отдамъ.

— Ну, если ты мнѣ станешь говорить: *послѣдніе*, такъ я съ тебя тысячу возьму. Ты забылъ мои милости, забылъ, что я за Петрушку копѣйки съ тебя не взялъ, даромъ тебѣ его подарилъ, а сколько онъ тебѣ съ тѣхъ поръ наработалъ: сто рублей что-ли?... Такъ этакъ то ты помнишь мои милости...

— Ну, кормилецъ, ну, инъ ладно; возьми что угодно твоей милости, ты самъ мужицкой крови пить не захочешь... Извѣстно, мнѣ не замолить за тебя.

— То-то!... этакъ-то лучше... ну, триста рублей принеси“...

Гораздо хуже оказывалось въ виду рекрутства положеніе крѣпостныхъ, обремененныхъ разными „художествами“, и особенно недоимками. Таковъ въ разсказѣ *Бурмистръ* кузнецъ Ѳедоръ, человекъ кроткій и мягкій, но бессильный подняться изъ нищеты. И добрая барыня—помѣщица, въ понятной заботливости о справныхъ и крѣпкихъ мужикахъ, спѣшитъ отдать распоряженіе о сдачѣ въ солдаты, вмѣсто парня богатаго дома, безотвѣтнаго и многосемейнаго Ѳедора. Но здѣсь является ему защитникъ, въ лицѣ уважаемаго и мужиками, и барыней бурмистра, по которому названъ и весь разсказъ. Это идеальный типъ русскаго крѣпостнаго крестьянина до—освободительной эпохи.

Бурмистръ „Аѣиногенъ Дормидонычъ былъ благодѣтелемъ для всего околотка: онъ былъ богатъ и удивительная щедрость его не имѣла границъ. Сгорить-ли деревня—Аѣиногенъ Дормидонычъ одѣлялъ каждый домъ, каждое семейство. Нуждался ли мужикъ въ хлѣбѣ, онъ смѣло шелъ къ нему и получалъ, сколько было нужно, а нищіе никогда не уходили отъ него съ пустыми руками. Хотя Матрена Ѳоминишна (барская экономка) и говорила, что онъ Филаретъ и Антропій, то есть филантропъ, но Аѣиногенъ Дормидонычъ вовсе не былъ имъ, онъ дѣлалъ добро безъ всякой задней мысли, не по расчету, не по логическому выводу, а единственно по побужденію своего добраго сердца. Правда, онъ былъ нѣсколько резонеръ и любилъ побранить за лѣнь, нерадѣніе и незаботливость о самомъ себѣ, но при всемъ томъ дѣлалъ добро щедрою рукою всякому просящему“.

„Бурмистра любили и уважали, ибо, хотя послѣдній былъ и строгъ и взыскателенъ, но всегда справедливъ, а русскій человѣкъ, хотя и почесываетъ затылокъ, когда его наказываютъ за дѣло, и недоброжелательно смотритъ на безпристрастнаго судью, осуждающаго его, но внутренно сознаетъ свою вину, уважаетъ правду и ея вѣрнаго служителя“.

Бурмистръ спасаетъ Ѳедора отъ красной шапки заявленіемъ, что, въ случаѣ если Ѳедора повезутъ въ солдаты, онъ самъ поставитъ въ первую очередь собственнаго сына. А такой формы вознагражденія старика за долгую и вѣрную службу даже для доброй барыни показалось слишкомъ.

Особенный и самый непріятный отдѣлъ крѣпостныхъ крестьянъ представляли помѣщичьи дворовые люди. На нихъ А. А. Потѣхинъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ, справедливо видя и изображая въ нихъ искаженіе кореннаго крестьянскаго типа подъ вліяніемъ близости къ легкой, обезпеченной безъ собственнаго труда, помѣщичьей жизни. Таковъ „Титъ Софроновъ Козонокъ“, герой Потѣхинской повѣсти того-же названія. Онъ родился и выросъ во дворѣ „помѣщи-

ба весьма экономнаго, большого хозяина“, считавшаго необходимою „имѣть при усадьбѣ всякаго рода ремесленниковъ, какъ то: сапожниковъ, башмачниковъ, плотниковъ, столяровъ, каменщиковъ, ювелировъ, даже часовыхъ дѣлъ мастеровъ и пр.“ „Впрочемъ, художники наравнѣ съ прочими дворовыми и задѣльными крестьянами, пахали господское поле, косили барской лугъ, за то, снова возвращаясь къ своимъ обычнымъ занятіямъ, они и въ нихъ оказывались неисправными, по той причинѣ, говорили они, что можно-ли заниматься тонкой работою послѣ мужицкаго дѣла“.

Родителемъ Тита Софронова былъ барскій кучеръ, „замѣчательный необыкновеннымъ глубокомысліемъ, разсудительностью и любовью къ лошадямъ“.

Судьба рѣшила, что, какъ разъ къ тому времени, какъ подростъ Титъ, господинъ его лишился одного изъ выдающихся своихъ крѣпостныхъ художниковъ. „Умеръ у помѣщика часовыхъ дѣлъ мастеръ, который имѣлъ необыкновенную охоту къ кулачнымъ боямъ и любилъ не только починивать часы, но и разрушать человѣческія ребра, не только вставлялъ вмѣсто испорченныхъ новыя колеса, но и исторгать совершенно крѣпкіе и здоровые зубы“. Неосторожная и не совсѣмъ дружеская встрѣча съ семинаристомъ изъ сосѣдняго села, „весьма напрактикованнымъ въ дѣлѣ рукобитія“, какъ онъ самъ выражался, ускорила кончину злополучнаго артиста. Въ его преемники барская воля намѣтила Тита.

Веселая и сравнительно свободная столичная жизнь въ Москвѣ, гдѣ Титъ былъ въ обученіи у нѣмца часовщика, отучила его совершенно отъ условій двороваго, подневольнаго существованія. Мало того, она разнѣжила его, обратила его мечты къ далекимъ, лучезарнымъ горизонтамъ: „смотришь, и жену бы завелъ себѣ не то, что какую мужичку, али дѣвку дворовую, что въ деревнѣ живетъ, ступить не умѣеть, а подхватилъ что ни на есть изъ перваго изъ французскаго магазина—съ Кузнецкаго, что одѣвается, какъ барыня, себя ве-

дѣть, и повадка во всемъ господская, что не бросится къ тебѣ на шею сама первая, а развѣ только глазкомъ поведетъ, да улыбкой дастъ знать, что, дескать, можете искать, а впрочемъ не забывайте и рукамъ воли не давайте“.

Конечно, счастливыя мечты художника Тита были сокращены въ самомъ началѣ. Баринъ вызвалъ его по окончаніи обученія въ деревню и поручилъ его надзору всѣ свои многочисленныя часы.

Къ счастью для художника, въ это время пожаловалъ въ свою вотчину бариновъ сынъ, офицеръ, и выпросилъ талантливаго крѣпостнаго въ свои довѣренныя слуги. Съ этихъ поръ у молодого барина съ пронырливымъ лакеемъ все стало общее—и кошелькъ, и похождения. И это окончательно довершило нравственную порчу Тита. Онъ кончилъ тѣмъ, чего можно было ожидать отъ всего строя его безпутной жизни: въ пьяной дракѣ убилъ человѣка.

Еще менѣе симпатичными оказываются въ изображеніи А. А. Потѣхина дворовыя женщины. Въ романѣ *Крушинскій* выводится, между прочимъ, старая барская нянька Глафира, женщина лѣтъ пятидесяти и необыкновенный талантъ по части умѣнья поддѣлаться къ каждому человѣку и расположить его въ свою пользу; женщина, готовая, если ей что понадобится узнать, „носомъ въ дверяхъ дыру провертѣть“, по непочтительному выраженію одного деньщика.

Что всего печальнѣе, теряя самыя желательныя черты общекрестьянскаго типа и усваивая самыя нежелательныя господскія, дворовыя пріучались въ концѣ концовъ и на все взирать глазами господъ. Въ этомъ отношеніи очень характерна удавшаяся писателю фигура помѣщицей вольноотпущенной Прасковьи Федоровны въ лучшемъ романѣ Потѣхина: *Бѣдные дворяне*. Съ дворянствомъ и помѣщиками Прасковья Федоровна повелась уже давно: еще въ крѣпостныхъ у своей помѣщицы, она постоянно находилась въ великой милости у барыни. Эта милость и ласка измѣнили Прасковью только

единственный разъ въ жизни, когда, по двадцать восьмому году, служба уже въ ключницахъ, она безъ мужа родила дочь. „Прасковья Ѳедоровна никогда никому объ этомъ не говорила, хотя нерѣдко, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и намекала, что, можетъ быть, и въ ея Катеринѣ течетъ не одна рабская кровь, а, можетъ статься, есть и барская“.

Но особенно барскими воззрѣніями преисполнилась Прасковья Ѳедоровна, когда ей удалось выдать дочь за дворянина, правда, однодворца, жившаго не лучше мужика, и чело-вѣка тупого, а все „самого себѣ господина“. Съ этихъ поръ задушевной мечтой Прасковьи Ѳедоровны стало желаніе сблизить зятя и его семью съ господами.

„Чѣмъ болѣе замѣчала она въ домѣ зятя довольства и достатка, тѣмъ болѣе сознавала необходимость просвѣтить его и сдѣлать хоть сколько-нибудь похожимъ на барина, если не для него самого, такъ хоть для дѣтей, чтобы они послѣ не стыдились, смотря на отца. Послѣднихъ Прасковья Ѳедоровна непремѣнно хотѣла воспитать по-дворянски и, качая въ колыбели новорожденнаго внука, уже теперь же мечтала, какъ онъ будетъ служить въ полку, вслухъ рассказывала ему, какой онъ будетъ хорошій въ мундирѣ и при эполетахъ“.

„Ну, Колинька, женишься на богатой, припѣвала нѣжная бабушка, агу, души возьмешь! агу!.. батюшка мой! А то землю пахать!... станетъ ли онъ землю пахать!“..

Въ радужныхъ мечтахъ своихъ Прасковья Ѳедоровна еще больше „позабывала собственное происхожденіе“, чѣмъ когда величала дворовыхъ халуями, хамовымъ племенемъ.

Заботливая теща сама озаботилась „вести въ свѣтъ“ неповоротливаго зятя, сама взялась поруководить его въ помѣщичьихъ домахъ, потому она „хоть и не дворянскаго рода, а дворянскіе порядки всѣ знала“. Но всѣ эти хлопоты и усилія привели къ одному: „бѣдный дворянинъ“, отставъ отъ честнаго мужицкаго труда, не присталь въполнѣ и къ братьямъ дворянамъ. Онъ сталъ только добровольнымъ шутомъ, прихлебателемъ въ нѣсколькихъ помѣщичьихъ домахъ, выпраши-

вателемъ рѣдкихъ и небрежно бросаемыхъ подачекъ, вѣчной жертвой издѣвательствъ и для господъ, и для дворни.

„Слуги въ господскихъ домахъ всегда питаютъ какую-то безпричинную, инстинктивную ненависть ко всѣмъ бѣднымъ, малоуважаемымъ гостямъ своего барина; всякій, кто позволяетъ барину посмѣяться, пошутить на свой счетъ, подвергается злобному гоненію слуги. Подъ вліяніемъ этого чувства, слуги Рыбчинскаго отвели вчера бѣднаго и пьянаго Никиту (имя „бѣднаго дворянина“) въ пустую, нежилую, и вслѣдствіе этого нетопленную комнату, и нераздѣтаго бросили на диванъ, безъ подушки и одѣяла“.

Подъ ладъ дворнѣ оказывались и господа помѣщики. Не то, чтобъ это были всегда грубые тираны и притѣснители,—напротивъ. Посмотрите, въ какія мягкія, почти идиллическія формы складывалась иногда жизнь нашего помѣстнаго дворянства: „Аглаида Марковна Финикова (такъ называли помѣщицу) была уже старушка. Во всѣхъ чертахъ ея лица, во всей ея фигурѣ проглядывали добродушіе, легковѣріе, покойная, безмятежная жизнь, не знавшая ни глубокой мысли, ни сильнаго чувства, а тѣмъ болѣе никакого труда или горя. И въ самомъ дѣлѣ жизнь Аглаиды Марковны есть не что иное, какъ рядъ самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ простыхъ случаевъ жизни, какъ галлерей картинъ, въ которыхъ вездѣ видны свѣтлое небо, прозрачная, голубая, спокойная вода, яркое солнце, ароматная тихая ночь, сельскіе виды со сверкающими вдали главами церквей городскихъ, семейная, уютная жизнь, полная мира, любви и спокойствія“¹⁾.

Къ сожалѣнію, эта благодущная и счастливая старушка находилась подъ вѣдѣніемъ своей домоправительницы, злѣйшаго и неудовлетвореннѣйшаго въ мірѣ существа, которая въ силу своего психологическаго дара умѣла властвовать надъ своей властительницей. Отселѣ добро, къ которому естественно

¹⁾ Очень отзывается Гончаровскимъ «сномъ Обломова».

тянуло Аглаиду Марковну по самымъ условіямъ ея жизни и личному характеру, волею управительницы превращалось въ зло, и въ крупное зло. Это та самая барыня, которая, жалѣя богатыхъ мужиковъ, сдавала въ солдаты многосемейныхъ бѣдняковъ.

Такая и подобная „барыня очень любила“ при этомъ, „чтобы всѣ ея подданные любили и хвалили ее за доброту, милосердіе и снисходительность; и когда, бывало, дойдетъ до нея слухъ, что барщина, забывая великія милости, ропщетъ на нее за какую-нибудь излишнюю работу, или не съ полною готовностію и радостію старается исполнить ея приказаніе, госпожа очень этимъ огорчалась и горько жаловалась ключницѣ на неблагодарность людей“.

Беремъ еще одинъ изъ самыхъ безобидныхъ помѣщичьихъ типовъ у Потѣхина,—помѣщика Комкова въ *Бѣдныхъ дворянъ*. Онъ самъ характеризуетъ себя: „нѣтъ, братъ, не добродѣтель, а лѣнь велика... Мнѣ бы только спалось, да ѣлось—вотъ вся моя добродѣтель... А заняться ничѣмъ не хочется, да и не стоитъ, и не для кого... Дѣтей у меня нѣтъ... Есть, правда, ну да тѣмъ не много нужно“...

И эти типы ничѣмъ не занимающихся помѣщиковъ еще были самые симпатичные изъ своихъ братьевъ. „Занимающіеся“ оказывались много хуже. Тогда получался предводитель дворянства Рыбчинскій, „заслужившій“ себѣ состояніе такимъ неразборчивымъ средствомъ: „Долгихъ три года, въ этомъ самомъ кабинетѣ, томился онъ около постели больного родственника, ожидая его смерти, былъ при немъ безсмѣнной сидѣлкой, дышалъ тяжелымъ воздухомъ душной комнаты больного, читалъ вслухъ мистическія книги, которыми были полны шкапы этого кабинета, выстаивалъ длинныя всеобщія, которыя часто служились по желанію больного, клалъ на показъ земные поклоны передъ образами, которыми были увѣшаны стѣны кабинета, и ко всему этому переносилъ муки неизвѣстности, потому что недовѣрчивый, скупой и подозри-

тельный старикъ только за недѣлю до смерти написалъ за-вѣщаніе въ пользу Рыбчинскаго“.

Когда наконецъ старикъ умеръ, Рыбчинскій своими гаремами, своими собаками и прочими затѣями показалъ, на что способенъ русскій помѣщикъ, сразу сдѣлавшись „изъ нищаго богачомъ“.

Или еще одинъ интересный старо—помѣщичій типикъ: дворянинъ Паленовъ, якобы принципиальный, на дѣлѣ изъ личной зависти врагъ предыдущаго: либераль и мыслитель, писатель и педагогъ, отчаянный гуманистъ на словахъ,—и въ поступкахъ—до извѣстной степени тоже. Его характеръ, весь сложенный изъ противорѣчій, особенно хорошо выясняется сценкой его урока съ бѣднымъ дворянскимъ мальчикомъ, взятымъ имъ въ домъ для подготовки къ гимназіи. Паленовъ, только что поучавшій учителя мальчика (изъ своихъ крѣпостныхъ конторщиковъ) обязанности высокой гуманности къ воспитаннику, вспылывъ изъ-за непонятливости мальчика, кончаетъ свою гуманную проповѣдь „моментнымъ дѣйствіемъ“ самой высокой помѣщичьей пробы. „Все-бы одному драться, а другіе не смѣй!“—мастерски опредѣляетъ убѣжденія своего барина крѣпостной дворовый человѣкъ.

Положеніе русскаго крестьянина послѣ освобожденія А. А. Потѣхинъ изображаетъ въ цѣломъ рядѣ рассказовъ и повѣстей сборника *Послѣ освобожденія*. И здѣсь дворовые люди представляютъ или самые несчастные, или наиболѣе негодные экземпляры.

Изба, въ которую ведетъ насъ мастерское перо автора въ повѣсти *Хворая*, населена большой, бѣдной и недружной семьей. Главная сила въ семьѣ принадлежитъ бойкой и зубастой старухѣ, матери хозяина. Это неутомимая работница, и отъ другихъ членовъ семьи требующая неустаннаго труда. На бѣду, сноха ей попалась неподходящая, „ледащая“, что говорится. Въ дѣвкахъ, живши во дворѣ у господъ, „хворая“ непривычной оказалась къ тяжелой полевой

работѣ; а тутъ еще и немочь къ ней привязалась скоро послѣ брака. Надобно замѣтить, свекровь упорно и упрямо не вѣритъ этой болѣзни, не вѣритъ, что можно хворать и въ тоже время „таскать“ дѣтей чуть не ежегодно. Къ тому же старуха давно сердита на сноху; выбирая ее для сына, она только и надѣялась на ея сундуки, на одежду, на накопленное на барскомъ дворѣ; надежды обманули старуху. И вотъ наконецъ, пользуясь мертвой неподвижностью мужа „хворой“, своего сына, бойкая старуха гонитъ больную вонъ изъ дома, вонъ отъ ея ребятъ и всего хозяйства.

„Хвора“ идетъ искать справедливости и помощи у начальства. Это путешествіе новаго Чичикова по мертвымъ душамъ даетъ автору поводъ къ ряду живыхъ, характерныхъ, интересныхъ эпизодовъ. Великолѣпнень деревенскій „аблокать“ Оирсычъ, изъ изгнанныхъ за разныя художества подьячичихъ, дѣлающій все за водку и подъ вліаніемъ водки, въ непреложномъ убѣжденіи, что „кабы не водка, и жить незначѣмъ“. Съ тонкимъ юморомъ рисуются отношенія между двумя деревенскими властями, тогдашнимъ посредникомъ и только что вводимымъ въ то время мировымъ. Вотъ и интеллигентные представители деревенской власти, а та же между ними, совсѣмъ не къ пользѣ и не къ авторитетности ихъ дѣла въ глазахъ крестьянъ, та же *jalousie de metier*, что и между знахаркой и знахаремъ въ деревнѣ, въ первой драмѣ А. А. Потѣхина: *Судъ людской не Божій*.

Замѣчательны полной реальностью и свѣжимъ юморомъ картины крестьянской „помочи“ на батюшкиномъ полѣ. Этотъ батюшка, отъ котораго только и можно чего нибудь добиться, когда онъ нѣсколько „развеселится“; матушка, боящаяся до-вѣрить работницѣ бутылъ съ водкой, не потому только, что работница цѣльной бутылки не донесетъ, но потому еще, что батюшка и самъ не промахъ по этой части; заштатный дячокъ, приглашенный наблюдать за работой, со своими характерными словечками и характерными взглядами „въ сторону“,

когда начинают разливать водку,—все это живыя и цѣльныя лица, живо и ясно встающія передъ читателемъ.

Изъ двороваго класса получались послѣ освобожденія и новыя господа деревни. Вотъ управляющій большимъ имѣньемъ, происхожденіемъ изъ барскихъ камердинеровъ, и по всегдашнему отсутствію господъ изъ помѣстья разыгрывающій совсѣмъ барина (Повѣсть *Иванъ да Марья*). Что же онъ видитъ въ своихъ дѣтяхъ? Сынъ, развратный и пьяный, только и дѣлаетъ, что гуляетъ по кабакамъ и трактирамъ. Дочь влюбляется въ простаго мужика, какъ ни надѣялись выдать ее за „акцизнаго“ въ городъ, а мужикъ, дѣлающійся ея мужемъ, больше, чѣмъ ее, „уважаетъ“ ея капиталъ или, хотя бы, надежды на капиталъ. И что это будетъ супружество несчастное, видно съ первыхъ шаговъ брачной жизни.

Около денегъ разыгрывается драматическая завязка и другого романа Потѣхина, изображающаго, какъ и предыдущее произведеніе, разложеніе крестьянской жизни въ условіяхъ новаго быта. Въ большомъ фабричномъ селѣ благочестивая старая дѣвушка, дочь зажиточнаго торгующаго крестьянина, увлекается вкрадчивыми рѣчами и красивой наружностью женатаго мужика. Вкравшись въ довѣріе и любовь богатой наслѣдницы, ловкій мужичокъ уговариваетъ ее выкрасть для него капиталъ у отца, обѣщая затѣмъ бросить жену и бѣжать съ возлюбленной далеко. Но какъ нужны ему деньги, а не старая владѣлица денегъ, то капиталъ онъ великодушно принимаетъ и, толкнувъ дѣвушку съ телѣги, вскачь пускается отъ нея, чтобы не вернуться назадъ.

Въ pendant къ роману „Около денегъ“ можно упомянуть интересную и извѣстную повѣсть Потѣхина: *Хай дѣвка*. Героиня, которую прозвали этимъ именемъ, бойкая и балованная дочка зажиточнаго крестьянина, связавшаяся съ разухабистымъ краснобаемъ—питерцемъ, да еще женатымъ человѣкомъ. Какъ и въ драмахъ Потѣхина, это изображеніе

бойкой, разгульной стороны народной жизни писателю особенно удается.

Таковы отдѣльные народные характеры послѣ—освободительной эпохи, намѣчающіеся въ произведеніяхъ А. А. Потѣхина. Что касается крестьянскаго самоуправленія, то писатель не скрываетъ, что „въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, скромность рѣдко оцѣнивается: и на сходкѣ міромъ больше тотъ ворочаетъ, у кого глотка шире, да за словомъ, хоть и не больно умнымъ, въ карманъ не полѣзетъ“.

Тѣмъ не менѣе истинный смыслъ крестьянской общины должна открыть, повидимому, повѣсть Потѣхина: *На міру*, и въ особенности идеальный ея герой—образцовый старшина крестьянской общины. Въ общемъ, это лицо напоминаетъ отмѣченнаго ранѣе идеальнаго „бурмистра“ до—освободительнаго времени. У старшины родной сынъ, благодаря баловству матери, участвуетъ въ разгульныхъ ночныхъ сходкахъ молодежи у цѣловальника. Какъ ни старается старшина исправить сына, все напрасно. Потомъ Кирюха, сынъ старшины, попадаетъ въ воровствѣ, и не у кого другого, а у родного тества. Потомъ, подозрѣвая двухъ мужиковъ въ доносѣ на вора, онъ ихъ поджигаетъ и, думая спалить личныхъ недруговъ, палитъ полдеревни. Старшина беретъ на себя исправить постопокъ сына, обѣщается построить новыя избы погорѣльцамъ.

Переходя къ произведеніямъ А. А. Потѣхина изъ городского быта, остановимся прежде всего на большомъ романѣ: *Крушинскій*. Въ герои романа взятъ почтеннымъ писателемъ представитель того нашего сословія, которое давало и продолжаетъ давать нашей общественной жизни немало талантливыхъ и одушевленныхъ дѣятелей. Крушинскій—сынъ дьячка, съ трудомъ выбившійся изъ нищеты, и послѣ семинаріи ушедшій на медицинскій факультетъ университета. Въ романѣ представлена борьба стараго поколѣнія съ новымъ, старыхъ убѣжденій съ современными. Гордый личными до-

стоинствами, полковой лѣкарь Крушинскій не думаетъ встрѣтить препятствія къ созданію своего личнаго счастья въ семьѣ стариннаго дворянина, богатаго помѣщика. Онъ любитъ дочь помѣщика, она любитъ его. На свои природныя преимущества онъ надѣется крѣпко. Онъ молодъ и силенъ. Онъ всего добьется, все завоюетъ въ жизни. Но онъ забылъ одну силу, въ обществѣ властную, — силу общественнаго предразсудка.

„Всякій понимаетъ вещи такъ, какъ его учили понимать ихъ, всякій живетъ съ тѣми убѣжденіями, которыя даны ему воспитаніемъ и жизнью, и считаетъ себя правымъ, поступая согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, хотя бы дѣлалъ вопіющую несправедливость передъ судомъ разума, свободнаго отъ предразсудковъ, и совѣсти, способной возвыситься надъ предубѣжденіями. И потому нельзя судить очень строго Ѳедора Иваныча (имя помѣщика) за то, что онъ хотѣлъ разорвать любовь между дочерью и докторомъ, которая казалась ему пятномъ для его и ея чести, которая не могла бы дать, по его убѣжденіямъ, ни ей счастья, ни ему утѣшенія и радости“.

Крушинскій погибъ. Но онъ былъ только предшественникомъ цѣлаго поколѣнія лучше вооруженныхъ людей, въ которыхъ стала уже нуждаться сама жизнь въ новыхъ условіяхъ общественнаго быта.

Для широкихъ, всестороннихъ реформъ русской жизни, предпринятыхъ Императоромъ Александромъ II, потребовались и соотвѣтственные новые дѣятели. Старозавѣтные чиновники, люди совсѣмъ иныхъ убѣжденій и нравственнаго склада, оказались въ данномъ случаѣ не у мѣста. Свѣжіе, новые дѣятели явились. Но какъ направленія, разъ усвоенныя жизнью, не могутъ измѣниться сразу и отъ одного добраго желанія, то и въ новой формациі дѣятелей оказалось не одно чистое золото: оказались и люди, подобные Владимиру Васильевичу Пустозерову въ комедіи Потѣхина *Мишура*. Это

тотъ же старинный чиновникъ, только въ формахъ болѣе изящныхъ, утонченныхъ, болѣе внѣшне-облагороженныхъ. Пустозеровъ уже не терпитъ „денегъ, полученныхъ не изъ рукъ казначея“, какъ уклончиво выражается одно дѣйствующее лицо „Мишуры“. Но эта внѣшняя честность не сливается у молодого чиновника съ внутренней, истинной честью. Быстро идя въ гору по дорогѣ почестей и служебныхъ успѣховъ, онъ не хочетъ признать своихъ старинныхъ благодѣтелей, своихъ воспитателей, потому что это люди глубоко провинціальныя и простые. Ихъ патриархальное появленіе въ его квартирѣ настолько выбиваетъ Пустозерова изъ позиціи, что онъ даже уступаетъ незаконному желанію откупщика Золотарева, лишь только тотъ обѣщаетъ, что эти родственники Пустозерова останутся для всѣхъ тайной. Пустозеровъ—человѣкъ чести, но чести, образованной исключительно на книжныхъ образцахъ, и потому глубоко бесплодной и бессильной. Онъ быстро и рѣзко порѣшаетъ съ мудреными и сложными вопросами жизни, мыслить и выражается коротко и безапелляціонно, точно аксіомами мудреца. Книга втолковала ему, что брать взятки нечестно, и вотъ онъ заявляетъ рѣшительно: „гораздо лучше оставить своихъ дѣтей неучами, нежели образовывать на незаконно нажитыя деньги“. Слѣдомъ за книгой, книжнымъ, не простымъ языкомъ мечтаетъ онъ вслухъ: „когда же образуется наша Русь православная?“ Но тамъ, гдѣ нужна честь и честность не книжная, а простая жизненная, золото быстро тускнѣетъ, на нашихъ глазахъ превращается въ „мишуру“. Гремя противъ взяточниковъ, Пустозеровъ терпитъ около себя подчиненнаго стариннаго взяточника, за дочерью котораго успѣшно ухаживаетъ. Твердя о чести и правдѣ, онъ успѣваетъ влюбить въ себя эту дѣвушку, не переставая въ то же время ухаживать за пожилой петербургской вдовой, или за ея деньгами. Онъ знаетъ только деньги, полученные изъ рукъ казначея, но, какъ говоритъ его воспи-

тательница, „съ чужихъ не беретъ, а родныхъ хочетъ грабить“. Онъ не мараетъ рукъ взятками, но получаетъ въ Петербургѣ выгодное мѣсто только по рекомендаціи откупщика.

„Отчего же это только нынче эти безкорыстные чиновники завелись?“ сокрушенно разсуждаютъ между собою оттираемые молодежью чиновники добраго стараго времени.

„Отчего, отъ самолюбія“ порѣшаютъ они, и въ этомъ діалогѣ не одна неправда.

Борьба между старымъ и новымъ, между прочно-укоренившимися традиціями старины и молодыми порывами къ свободѣ и самостоятельности переносится въ переходный моментъ, изображаемый драмами Потѣхина, и въ каждую отдѣльную семью. Потѣхинъ любитъ изображать свѣжую молодую силу, идущую за вѣяніями времени, наперекоръ преданіямъ и завѣтамъ старины. „Наше поколѣніе,—говоритъ одинъ изъ такихъ молодыхъ въ „Виноватой“: наше поколѣніе счастливо уже тѣмъ, что создало свои недостатки, почувствовало необходимость исправленія, выработало себѣ опредѣленное правило—трудиться и идти ко благу, къ счастью; но какъ? Какой дорогой? Оно еще не знаетъ. Будущее, сама жизнь должны научить насъ“.

„Утѣшься, старое поколѣніе!—прибавляетъ другой молодой въ комедіи „Въ мутной водѣ“: не всѣ выстаиваютъ въ борьбѣ. Иные падаютъ, унижаются, на колѣняхъ просятъ пощады и со смиреніемъ принимаютъ твои мудрые уроки“.

Труднѣе и тяжелѣе всего дается молодому поколѣнію борьба съ предрасудкомъ, какъ съ плодомъ прочной, старой привычки. Какъ таковой, предрасудокъ не только дѣлится отца—крѣпостника съ сыномъ—либераломъ (комедія *Отрпзанный ломоть*), не только навсегда жестко разлучаетъ дочь этого крѣпостника съ любимымъ человѣкомъ, который имѣетъ несчагіе быть посредникомъ и на котораго панаша дѣвушки только и умѣетъ смотрѣть, какъ на посредника. Предрасу-

докъ, воспитанный долгой привычкой, поднимаетъ голову и въ нижнихъ слояхъ народа: старая барская нянька убѣжденно толкуетъ своему питомцу—барченку: „да не то, что до барина, а и до нашего сословія доведись... Неужто меня вотъ, няньку, да и прировнять съ Акулькой, скотницей, что за поросятами ходить?.. Да я жива быть не хочу... Да ужъ эта воля меня въ гробъ и уложить, ужъ уложить“! .. Такъ точно старому барскому управляющему его сынъ не сразу рѣшается признаться въ томъ, что полюбилъ крестьянскую дѣвушку: „вѣдь ужъ его предрасудковъ не переломишь“.

III.

Мало быть писателемъ образцово-внимательнымъ ко всѣмъ движеніямъ общественной жизни и мысли, чтобы считаться писателемъ—художникомъ. Можно даже сказать такъ: чѣмъ болѣе чутокъ писатель къ явленіямъ текущей дѣйствительности, тѣмъ большая опасность предстоить художественности его произведеній. Нужно обладать громаднымъ запасомъ художественной мѣры и такта, чтобы, схватывая для изображенія современныя явленія, не оскорбить эстетическаго чувства читателя тенденціознымъ, преувеличеннымъ ихъ изображеніемъ. Этой крайней опасности для художника не всегда счастливо избѣгалъ маститый Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

Можетъ быть, отчасти полной еще предрасудковъ средой, въ которой появлялись первыя крестьянскія драмы Потѣхина, объясняется и нѣкоторая тенденціозность этихъ первыхъ его работъ. Писателю, близко знавшему народъ и деревню, приходилось еще доказывать, какъ истину, для многихъ только предположительную и сомнительную во всякомъ случаѣ, что у крестьянина „шуба овечья, душа человѣчья“ (какъ называется одна драма Потѣхина). Этими условіями обстановки можно объяснить и подобныя тенденціозныя на-

званія драмъ, и внутреннюю тенденціозность, натянутость, неестественность многихъ отдѣльныхъ сценъ и положеній. Возьмите первую драму А. А. Потѣхина: „Судъ людской—не Божій“, законченную въ Костромѣ, 21 сентября 1853 года (времена, какъ видите, весьма далекія). Все въ ней, что построено на непосредственномъ наблюденіи народной жизни, ярко, красочно, по истинѣ прекрасно. Хорошъ этотъ старый солдатъ отечественной войны со своими геройскими разсказами, какъ онъ домашними средствами справлялся съ французомъ: „да горячей-то кострюлей-то, да по затылку-то“, и, несмотря на все свое словесное геройство, истинно благоговѣйное чувство внушающій, кажется, единственно своей женой. Живы и полны естественности сцены ревнивыхъ схватокъ обоихъ „свѣдущихъ людей“ глухой деревни: этого пройдисвѣта—солдата съ усвоеннымъ отъ миѣческаго „турки“ гаданьемъ по картамъ, и старухи—знахарки, ревнующей къ славѣ гадалея и знатока. Отлично удалась драматургу, и не только здѣсь, и фигура лихаго парня, питуха и гуляки, баловня дѣвокъ и грозы ихъ матерей. Но совсѣмъ иное впечатлѣніе оставляютъ рѣзко-тенденціозныя сцены, гдѣ авторъ пытается создать положительный, идеальный образъ русскаго крестьянина. На сцену тогда выступаетъ русскій помѣщикъ, не вѣрящій добродѣтели русскаго „мужичка“ и фактически въ оной удостовѣряющійся. Этому Томѣ не вѣрующему крестьянскій парень чрезвычайно неестественно докладываетъ: „А по тебѣ: какое де у мужика сердце, какое де у него чувствіе“?

Такъ точно и во второй драмѣ Потѣхина изъ народной жизни авторъ уже слишкомъ откровенно старается оправдать ея заглавіе: „шуба овечья—душа человѣчья“. Добродѣтельный помѣщикъ Радугинъ, желающій, но стыдящійся быть русскимъ, прямо поясняетъ: „Зосима (крестьянинъ) и Панибратовъ, Анна Ивановна (крестьянка) и Софья Павловна, лицо и изнанка, добро и зло“. Авторъ слишкомъ плохо рекомен-

дуетъ собственное драматическое искусство, если полагаетъ, что для разборки между положительными и отрицательными типами драмы потребны такія вотъ вывѣски, рекламы въ устахъ самого дѣйствующаго лица. Возможно, что справедливыя указанія критики на идеализацію нѣкоторыхъ героевъ Потѣхина послѣдній и имѣлъ въ виду, когда писалъ въ „Бурмистрѣ“: „пожалуй, еще назовете моего Аэиногена идеальнымъ героемъ, хотя я и увѣренъ, что такихъ Аэиногеновъ Дормидончыей много на святой Руси“.

Насколько, во всякомъ случаѣ, выше, проще, естественнѣе и художественнѣе послѣдующія драмы Потѣхина изъ народной жизни, хотя-бы „Чужое добро въ прокъ не идетъ“, едва ли не самое цѣльное и удавшееся изъ драматическихъ его произведеній. Какъ полонъ истинно русскаго размаха, безудержной широты и поэтическаго одушевленія своимъ ремесломъ этотъ русскій парень, ямщикъ Михайла, поживившійся „чужимъ добромъ“ только затѣмъ, чтобы исказить въ себѣ коренныя, естественныя черты характера и кончить чуть не убійствомъ отца. Какъ сказывается художественно въ этомъ старикѣ—отцѣ кровное родство съ Михайлой, котораго онъ и любитъ больше, чѣмъ другого, смирнаго сына, несмотря на всю гульбу Михайлы. Какъ жутко и мѣтко представлена борьба между злыми и добрыми побужденіями въ душѣ Михайлы, когда онъ крадется по тускло—освѣщенной сценѣ къ спящему надъ деньгами отцу, когда его злой духъ, скверный и развратный барскій камердинеръ Леонидъ, суесть ему въ руки топоръ, а онъ не можетъ, не смѣетъ подойти ближе: „вѣдь отецъ... отецъ онъ!“ Вотъ здѣсь переходъ отъ разгула и неразборчиваго веселья къ болѣе серьезнымъ настроеніямъ въ душѣ Михайлы обоснованъ и очень драматически, и съ безукоризненной естественностью. Въ общемъ, драма представляетъ сильную и выдержанную вещь, достойную стать наряду съ лучшими народными драмами Островскаго.

Какъ образецъ истинно художественной, цѣльной и выдержанной повѣсти, припоминается прежде всего превосходный рассказъ Потѣхина *Старый покровскій дьяконъ*, помещенный, увы!—въ серіи подъ общимъ заголовкомъ *Деревенскіе мироды*. Здѣсь еще разъ, и съ полнымъ успѣхомъ, А. А. Потѣхинъ возвращается къ быту мелкаго сельскаго духовенства, очевидно, ему хорошо извѣстному и тронутому уже имъ однажды въ отдѣльномъ эпизодѣ „Хворой“. Въ новомъ рассказѣ передъ нами идеальный скопидомъ духовнаго чина. „Ничѣмъ не брезговаль онъ, читаемъ въ этомъ художественно цѣльномъ рассказѣ, чтобы благопріобрѣсти и увеличить свой достатокъ: при сборѣ нови неотступно просиль прибавки и спорилъ съ бабами изъ за каждаго лишняго яйца, ложки масла, ковша жита; придумываль, изобрѣталъ и вводилъ новые поборы съ прихожанъ“ и т. д. За то и дочку онъ выдалъ на славу, сумѣвъ найти для нея, по рекомендаціи своего родственника—профессора семинаріи, перворазряднаго студента, съ усердіемъ и домовитостью, не уступавшими таковымъ-же качествамъ тестя. Полны спокойнаго народнаго юмора описанія того, какъ сестра дьякона, Олимпіада, везла своей перерзрѣлой племянницѣ рѣдкаго жениха изъ семинаріи. Ей нужно было, по ея расчетамъ, провезти юношу такъ, чтобы никто его въ селѣ не видалъ и глазкомъ: „ни поповны, ни дьячихины, никто“. Потому, приближаясь въ селу, коварная тетушка придумала хитрость: уложила жениха спать и прикрыла отъ любознательныхъ взоровъ большимъ платкомъ. Отсюда и пошло по селу, что „дьяконовы жениха подъ рогожкой провезли“.

Мы понимаемъ, что способствуетъ художественности произведенія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ—и въ драмѣ, и въ рассказѣ. И тамъ, и здѣсь взяты прочныя, установившіяся формы жизни. И тамъ, и здѣсь предметы повѣствованія, какъ бы малы они ни были, представлены не въ слу-

чайномъ освѣщеніи современности, а въ вѣчномъ освѣщеніи правды и жизни.

Далѣе, разсуждая о художественности произведеній А. А. Потѣхина, важно, я полагаю, принять въ расчетъ двойственность внѣшней формы этихъ произведеній. Потѣхинъ вноситъ въ литературу беллетристическія повѣствовательныя и драматическія произведенія. И хотя послѣднихъ у него меньше, чѣмъ первыхъ, но, я полагаю, драматическая форма изложенія наиболѣе сродна его таланту.

Не забудемъ, что первая печатная статья А. А. Потѣхина была рецензіей о театрѣ, что первая его драма изъ народной жизни появилась въ очень молодыхъ годахъ автора. Дальше, мы находимъ у почтеннаго писателя романы, передѣланные имъ-же въ драмы: романъ *Крестьянка* превращается А. А. Потѣхинымъ въ драму *Шуба овечья—душа человѣчья*; романъ *Около денегъ* даетъ матеріаль для драматическаго произведенія того же названія.

Но все это признаки внѣшніе и, можетъ быть, слабо убѣдительные. Посмотрите же въ такомъ случаѣ на нѣкоторыя сцены въ нѣкоторыхъ романахъ и повѣстяхъ А. А. Потѣхина, и вы должны будете согласиться, что имъ недостаетъ только огней рампы и подмостковъ сцены, чтобы дать совершенно театральнѣй эффектъ.

Въ повѣсти *Титъ Софроновъ Козонокъ* лошадь, наскучивъ стоять въ лѣсу возлѣ тѣла убитаго хозяина, одна возвращается къ знакомому двору.

„Ѳекла дожидалась сына даже и тогда, какъ всѣ въ избѣ улеглись спать. Но пѣтухи уже нѣсколько разъ принимались пѣть, а Николай не пріѣзжалъ. Наконецъ и Ѳекла погасила огонь и легла на печку, но сонъ ея былъ чутокъ и безпокоенъ. А потому она тотчасъ услышала, когда къ воротамъ избы подѣхала телѣга.

— Ну вотъ, слава—те Господи, пріѣхаль! почти вскричала Оекла съ радостью. Эй, Иванъ, поди-ко поскорѣй, отоприв ворота то“, говорила она своему работнику, а сама подбѣжала къ окну и, отворивши его, кричала, предполагая, что сынъ у воротъ и услышитъ ее: „сейчасъ, сейчасъ, Николаюшко, отопруть. Эхъ, родной, загулялся—перепугаль всѣхъ!“

Въ повѣсти *На міру* старшина возвращается изъ города домой, довольный устроившемъ всѣхъ дѣлѣ, довольный почетомъ, какимъ его окружали тамъ господа; возвращается, и не подозрѣвая всѣхъ бѣдъ, учиненныхъ дома сыномъ: воровства, поджога, побѣга. Вдругъ, въ попутной деревнѣ, съ заваленки подъ окномъ, какъ зловѣщее напоминаніе рока, встаетъ передъ нимъ ветхій, ветхій старикъ и говоритъ ему какія-то непонятныя слова, — о какой-то бѣдѣ, о домѣ, о сынѣ.

Повѣсть *Хворая* завершается мрачной ночной сценой. Поздно вечеромъ подходитъ къ родной избѣ изгнанная старухой „хворая“, чтобы умереть подъ окномъ, такъ и не доискавшись суда и правды, и бросаетъ передъ смертью камень въ окно, точно въ осужденіе жестокихъ людей, лишившихъ ее и въ послѣднія минуты жизни теплой крыши надъ головой. Представьте картину: въ разбитое окно бьется ночной вѣтеръ, подъ окномъ трупъ сейчасъ умершей женщины, видны огоньки, слышны тревожные шаги и шопотъ сбѣгающихъ сосѣдей... Совершенно заключительный финалъ для послѣдняго акта драмы!

И вотъ это вѣчное тяготѣніе писателя къ театру встрѣчалось и вѣчными цензурными затрудненіями. Потому ли, что обличенія звучатъ сосредоточеннѣе и сильнѣе, когда звучатъ со сцены театра, потому-ли, что русскій читатель,—не въ обиду ему будь сказано,—никогда не проникнется урокомъ книги такъ, какъ нагляднымъ обученіемъ сцены,—только театральная цензура всегда, кажется, отличалась у насъ гораздо большей строгостью, чѣмъ цензура общая. Отсюда во многихъ рассказахъ и повѣстяхъ А. А. Потѣхина мы въ правѣ

видѣть невольную съ его стороны измѣну любимой сценѣ, въ виду тяжелыхъ условій, сопровождавшихъ каждую постановку каждой драмы въ театрѣ.

Тогда намъ объяснится, почему въ беллетристическихъ произведеніяхъ Потѣхина насъ остановитъ больше изображеніе внѣшняго быта, чѣмъ народной психологіи, въ чемъ и упрекали Потѣхина критики. Это вполнѣ естественно въ авторѣ для сцены, гдѣ психологія дѣйствующихъ лицъ выясняется самими ихъ рѣчами и дѣйствіями, а не подробными и тончайшими объясненіями правящаго режиссера.

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. Пушкина

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

I. **А. С. Архангельскаго**, О задачахъ ближайшей научной дѣятельности Пушкинскаго Общества въ Казани. Казань, 1900.

II. **А. С. Архангельскаго**, Памяти Д. В. Григоровича. Русская литература 40-хъ гг. и первые рассказы Д. В. Григоровича. Казань, 1901.

III. **Ө. Е. Пактовскаго**, Современное общество въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Казань, 1900.

IV. **Ө. Е. Пактовскаго**, Идеализмъ въ произведеніяхъ Вл. Короленка. Казань, 1900.

V. **А. В. Васильева**, Аѳанасій Никитинъ и его „Хожденіе за три моря“. Казань, 1900.

VI. **Ө. Е. Пактовскаго**, Графъ А. К. Толстой и его поэтическое творчество. Казань, 1901.

VII. **А. С. Рождествина**, Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. Казань, 1901.

VIII. **Д. П. Шестакова**, Памяти Т. Г. Шевченка. Казань, 1901.

IX. **Д. П. Шестакова**, Русскіе писатели въ нѣмецкой оцѣнкѣ. Казань, 1901.

X. **С. И. Ершова**, Европейская литература. Этюдъ Ф. Брюнетьера. Казань, 1901.

XI. **А. С. Рождествина**, Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань, 1902.

XII. **А. С. Рождествина**, Жизнь и поэзія Никитина. Казань, 1902.

XIII. **В. А. Боброва**, Исторія изученія Святославова Сборника 1076 г. Библиографическій обзоръ. Казань, 1902.

XIV. **Д. П. Шестакова**, Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ (къ 50 лѣтію литературной дѣятельности). Казань, 1902.

2010513463